

18+

Михаил Юдин

**РАССКАЗЫ
ОБ ОХОТЕ
И НЕ ТОЛЬКО**

Михаил Анатольевич Юдин

Рассказы об охоте и не только. Рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66700326

ISBN 9785005560261

Аннотация

Рассветы и закаты, раздолье бескрайних полей и дурман заливных лугов, тишина осени и гомон весны – что может быть лучше для городского жителя, обременённого повседневными заботами, чем очутиться в таинственном мире природы. А для охотника каждый новый сезон – это ещё и особое время, праздничное. Автор книги Михаил Юдин, страстный охотник и заядлый легашатник, не мыслит своего увлечения без собак. Всю жизнь твёрдо следует известной истине и убеждению, что охотник без собаки теряет очень многое.

Содержание

Предисловие	5
Осеннее	6
Вспоминая первую тягу	12
Бурелом	36
Памятная охота	58
Конец ознакомительного фрагмента.	66

**Рассказы об охоте
и не только
Рассказы**

Михаил Анатольевич Юдин

© Михаил Анатольевич Юдин, 2024

ISBN 978-5-0055-6026-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Книга эта результат впечатлений от нескольких лет охоты, нескольких лет наблюдений и размышлений. Говорят, что удача на охоте копится. Также копятся и эмоции автора, постепенно в копилку добавляются новые эпизоды, точные и яркие метафоры, встречи с интересными людьми, забавные и поучительные эпизоды. С годами прибавляется опыт, а с опытом исчезает ненужный максимализм, стремление оценивать охотничьи будни количеством добытой дичи. Охоты становятся всё более созерцательными и романтическими. Всё больше любишься вдохновенными работами собаки, красотой нашей неброской природы и всё меньше горюешь от досадных промахов. Нет, в охоте с легавой количество добычи далеко не на первом месте!

Осеннее

Лето как-то совсем неожиданно и внезапно закончилось. Ещё вчера оно щебетало на все лады, пестрело разнотравьем, а сегодня нет его – закончилось. В лесу буквально за ночь сильно прибавилось жёлтого и красного цвета, будто в ночной тьме неспешно пролетела стая лесных ангелов и щедро смахнула с крыльев осеннюю краску. Где-то она перемешалась, где-то набрала силу и рядами, колками одела лес в грустный наряд золота и пурпура. Воздух как по мановению волшебной палочки стал по осеннему прозрачным, а между веточками кустов ивняка появилась почти иллюзорная, невесомая паутинка. Неутомимые паучки, эти невидимые художники и охотники сумрачного леса украсили опушки тончайшим кружевом мельчайших сеток. Сеток поразительно искусных и изящных. Да, осень пришла и ничто не может ей помешать, даже мнящий себя всесильным, а на самом деле смешной в своём самолюбовании человек. Ещё одна примета, это листья. Эта маленькая кожа деревьев покрылась мелкими, трудно различимыми точками – верными предвестниками увядания, стала ломкой и прозрачной, как после первых заморозков. Может они и были этой ночью? Но как же я мог пропустить это, прозевать? Скоро лес станет сбрасывать эту ненадёжную кожу, будет готовиться к зимнему ненастью. **«Настроение»**

Я люблю осень, жду её отсчитывая недели, а потом дни, предвкушая то радостное чувство что овладевает мною перед встречей с лесной красотой, с прозрачными ручьями, с по-осеннему поредевшими закрайками и устланными пурпурно-жёлтым ковром лесными дорожками и тропинками. В эти дни с раннего утра отправляюсь бродяжить, медленно скитаюсь по хорошо известным местам. Смотрю на хорошо знакомые пейзажи, которые каждый день неуловимо меняются, также, как и человек меняется с годами. Эти скитания имеют мало общего с охотой, напоминая её только наличием ружья и мелькающим впереди верным псом. Хожу не ради добычливого выстрела, а из-за возможности подумать, спокойно вспомнить прошлое, очиститься от наносного, суетливого и навязчивого, что прилипало ко мне весь прошедший год. Это своего рода релаксация, отдохновение души и конечно тела. Неспешное, размеренное движение, любование неброской среднерусской природой помогает, делает мысли чистыми, немного возвышенными, а движения расслабленными и лёгкими. Да, эти походы вполне можно назвать лечебными процедурами для души и тела. После них чувствуешь себя намного лучше. Отступает расслабленная немочь, а мысли становятся словно прозрачными, возвышенными, исчезает ежедневная суетливость, появляется уравновешенность и стремление к новому, ещё неизведанному. На такой охоте спускается благодать. Что же, каждый приходит к счастью, своим путём.

В воздухе плавает запах мокрых листьев вперемешку с чем-то ещё. И это что-то никак не определяется, не связывается, а ускользает, прячется. Да и не важно это совсем – так пахнет осень. Стою и глубоко дышу, и никак не могу надышаться. Зубастое облако отдалённо похожее на челюсти собирается проглотить и так тусклое солнце. Проглотило. Зачем?! Низкие облака накрывают землю плотно и надёжно, как веки прикрывают усталые глаза. Время одиночества. Лес к нему располагает. Здравствуй лес! Можно мы к тебе? Помолчим вместе, вместе поговорим – молча. Про себя. Здравствуй осень, здравствуй милая пора...

Километры перелесков и лесных просек позади, глухие овраги и густые ельники, смешанный, потемневший от дождей лес и редкие, словно кляксы небольшие болотца – что только не встретишь за время благословенных скитаний в конце октября. И тишина, тишина, звенящая словно писк, окружает тебя со всех сторон. Эта щемящая тишина, смешанная с дурманящим запахом прелых листьев, редкий звук капли и лёгкий аромат свежей хвои окутывает, тормозит шаги, принуждая остановиться и глубоко вдохнув, набрать полную грудь пьянящего воздуха. **«Блюз опадающих листьев»**

Удобный, поваленный ствол неведомой берёзки манит как упругий кожаный диван начала прошлого века. Прислонившись спиной к шершавому, потемневшему от дождевой влаги отлому дерева блаженно вытягиваешь ноги, кото-

рые от неожиданного отдыха начинает покалывать десятками невидимых иголок. Неугомонный и весёлый поделщик неумоимо мелькает в уже совсем прозрачном и сиротливом лесу. Оранжевая попона виднеется меж стволов, исчезает в небольшом ельнике, вновь выныривает и тут же скрывается в небольшом завале деревьев. Неутомим. Люди так не умеют. Наконец и он понимает, что настало время отдыха, подбегает и ласково тычется жарким, мокрым носом в подмышку, обнюхивает тебя и укладывается рядом на пышный ковёр из опавших листьев. Наступает время тишины и покоя. Ещё несколько секунд слышится шумное дыхание возбуждённого поиском пса, но вот затихает и оно. Пёс неподвижно лежит, положив крупную, лобастую голову на вытянутые вперёд лапы. Лишь глаза его по-прежнему не знают покоя, а небольшие бровки смешно подрагивают. Смешной пёс, настырный и неугомонный. Даже ты притих, лежишь спокойно и неподвижно. Рука зарывается в жёсткую шерсть на его спине. Забияка и драчун тут же реагирует на ласку – переворачивается на спину и привалившись к ноге, доверчиво открывает живот. Друг. Славно...

Огрубевший слух городского жителя ещё несколько минут не различает полутонов почти заснувшего позднеосеннего леса, не может уловить едва слышные звуки шёпота деревьев, крадущихся шагов подступающего ноября. Нас окружает тишина – звенящая, как вибрация воздуха от спущенной мгновение назад тетивы лука. Тишина эта оглушает, оку-

тывает тебя плотным непроникающим слоем. Ты будто глотишь и совсем перестаешь слышать что-либо. Время абсолютной тишины.

Занимается неслышный верховой ветерок и последние, самые стойкие, чудом сохранившиеся на верхушках деревьев сиротливые листья начинают неспешный полёт вниз и яркими, жёлтыми пятнами раскрашивают уже окончательно побуревший от дождей осенний ковёр. Они медленно планируют, задевают ветви деревьев и с особым, чуть слышным шуршанием укладываются спать. Обострённый до предела слух улавливает едва различимые звуки далёкой, одинокой флейты. Это настоящее наваждение. Непостижимым образом звуки тихой, грустной мелодии переплетаются с этим шуршанием, создавая иллюзорную мелодию печального осеннего блюза. Блюза опадающих листьев.

Ружьё отставлено в сторону и забыто. Зачем ты здесь? Неужели ради этой единственной птицы, что лежит в ягдташе? Нет, конечно, нет...

Непрестанно идёт нудный, мельчайший дождь. Невидимая глазам влага скапливается на листьях деревьев и обрачивается падением крупных, весомых капель. Кобель постоянно отряхивается и лес наполняется шумом взлетающих птиц. Сначала реагируешь на эти звуки, вглядываешься в гущу леса, где вот-вот может мелькнуть серая тень клювастой птицы. Но потом привыкаешь и лишь улыбаешься про себя, – Идёт работа! Птицы взлетают в глубине леса, по-

том перемещаются всё ближе и наконец они совсем рядом. Ещё мгновение и деловитая морда пса показывается из кустов. Он внимательно смотрит на меня и вновь исчезает в гуще леса мигом проскочив небольшую полянку, где я стою. Закуриваю и пропускаю момент, когда призрачной тенью скользнуло мимо меня что-то крупное. Это что-то усаживается на ветвь берёзы и начинает по куриному отряхиваться. От этого птица становится крупнее и пушистее. Стою неподвижно, едва дыша, прислонясь к стволу дерева и вглядываюсь в неё. Она меня не видит и сидит удивительно спокойно. Рябчик. Курочка. Она буквально в десяти метрах. Похоже у Феди появилась подруга. Федя, это наш знакомый рябчик. Знакомы мы уже несколько лет. Как-то я подманил его на пищик и пожалел... С тех пор он иногда показывается мне на глаза и ни разу я не пытался причинить ему вред. Он обитает в небольшом колке леса, со всех четырёх сторон ограниченном лесными дорогами. Если не ошибаюсь, то именно на этих нескольких гектарах он и казакует в последнее время. Мой дом всего в паре километров отсюда, и я считаю эту небольшую птицу своим соседом. Сегодня его не видно, наверное, занят важными делами и ему не до нас. А курочка-то очень ладная, изящная. Пёрышко к пёрышку. Чуть переступаю поудобнее ногами и этого малого движения хватает, чтобы она испуганно сорвалась с ветви и что-то квохнув на лету, испарилась в лесной чаще. **«Осенняя зарисовка»**

Вспоминая первую тягу

Как всегда очень важна первая фраза. Иногда интуитивно, как-то сами собой, пишутся правильные, нужные слова, они сами складываются в ловкие, пригожие предложения и тогда рассказ пишется легко, абзацы следуют один за другим – не работа, а одно удовольствие. Такое бывает редко, но иногда всё-таки бывает. Чаще же слова не слушаются, отталкиваются друг от друга, словно колотый лёд во время ледохода, нелепо громоздятся и через мгновение расползаются в стороны, влекомые скудным потоком сознания автора. Когда обдумываешь то, о чём хотел бы написать, всё просто, мысль ярка и оригинальна, но стоит начать переносить задумку на бумагу всё комкается безнадёжно. Вымучивать текст бессмысленно, лучше подождать пока Муза соизволит присесть на твоё плечо и посмотреть какого она размера на этот раз. Бывает она столь мала, что и заметишь-то её с трудом – тогда дело плохо, лучше и не начинать. А бывает присядет, и плечо начинает сладко ныть под тяжестью непостоянной озорницы и тогда, автор, не теряйся, начинай бодро стучать по клавишам, лови удачу!

Вот и в этот раз всё непросто. План этого рассказа я обдумывал уже несколько недель. Внутренняя работа никому не видна, но она постоянна и непрерывна. Мысли о рассказе, его содержании и построении сюжета неотступны и на-

вязчивы. Ты вроде бы занимаешься обычными делами, гуляешь с собаками, чистишь от снега дорожки, обедаешь, ве-
зёшь жену на рынок за продуктами, неустанно занимаешься
каждодневными делами и заботами. Но всё это время он жи-
вёт в тебе, становясь всё более осязаемым и полновесным.
Особо опасное время наступает ночью, когда в полузабытии
засыпающего сознания формулировки становятся неимовер-
но чёткими, точными и на первый взгляд безукоризненны-
ми. Сколько раз я вскакивал далеко за полночь и садился
к столу! Не поверите, много раз... Вся продуманность фраз,
точность предложений и прекрасные метафоры буквально
только что казавшиеся почти талантливыми, исчезали, как
утренняя роса под первыми лучами солнца. Стоит только
откинуть крышку ноутбука, пальцы бессильно нависают над
клавишами, и ты понимаешь, что это очередной фальстарт,
ты ничего не можешь, ты банкрот.

Пёс, до того уютно спавший, свернувшись калачиком,
поднимает голову внимательно, не мигая, смотрит на тебя
и, кажется, я явственно слышу в абсолютной тишине ночно-
го дома его мысли, – Что брат, опять тебя накрыло? Ниче-
го, сейчас отпустит, всё проходит и это пройдёт. И правда,
несколько минут попыток выдавить из себя хоть несколько
связных фраз заканчиваются ничем. Ты недоуменно смот-
ришь в монитор и уже начинаешь осознавать, что скорее все-
го, всё это тебе приснилось. Но чёрт возьми! Всё это было
по теме нового рассказа, только под каким-то новым ещё

не осмысленным ранее углом. Легчает. Как правило после таких ночных треволнений приходит осознание – пора начинать, внутренняя работа завершена, и может быть, что-то получится.

На этот раз всё было немного проще. Я задумал написать небольшой рассказ о весенней тяге и охоте на вальдшнепа. Немного сдерживало меня только одно – то, сколько уже было написано на эту тему ранее, практически всеми авторами, пишущими об охоте. Как-то стыдно в который раз писать то, что описано сотни, а может быть и тысячи раз до тебя. Но, утешался я, во-первых, я не буду использовать штампы про пробуждающийся от зимней спячки лес, про стройный хор лесных пичужек и свадебную круговерть природы, про то, как весна входит в душу каждого человека и про романтическое таинство оживающего леса. Нет, этого писать я не буду. Во-вторых, в конце-то концов, мы все разные и вёсны у нас у всех разные, мы с годами меняемся и с этими же годами меняются наши охоты, ощущения и чувства. Так почему же не написать о своём? К тому же действительно моей первой добычей стал вальдшнеп, а первой самостоятельной охотой стала весенняя тяга в таком уже далёком 1993 году. Нет, мне не стыдно писать об этом, а наоборот, приятно вспомнить эти непростые и далёкие уже годы, начало моего увлечения охотой.

Начать, наверное, надо с того, как вообще я стал городским охотником и прошёл длинный путь от восторженного,

начинающего неуча до столь же восторженного лысого и пузатого легашатника. Всё это весьма странно и как говорится ничто не предвещало. Обычно подобные рассказы начинаются с того, что герой вырос в охотничьей семье, с соответствующими традициями, окружённый охотничьей литературой, охотничьими собаками и родственниками, поколениями одержимыми различного рода охотами. У меня этого не было и в помине. Среди многочисленной родни не было ни одного охотника, среди друзей семьи таковых также не наблюдалось. Да, что там охотников, даже рыбаков и то не было. Самое большое приключение, связанное с природой, был ежегодный выезд всей семьёй на электричке для сбора грибов. На этих выездах, как истинные горожане мы держались рядом одной кучкой дабы не потеряться и каждый найденный гриб приводил нас в неопишуемый и искренний восторг. Я рос тихим городским мальчиком, для которого знакомство с дикой природой ограничивалось посещением Зоопарка и телепередачей «В мире животных». Семья наша была читающая, и естественно я с младых лет с большим удовольствием поглощал одну книгу за другой. Набор книг доступный школьнику тех лет был стандартным, он чуть варьировался в зависимости от интересов юного читателя, но в целом был представлен признанными мастерами выбранного жанра. Как любого мальчишку как тогда говорили среднего и старшего возраста меня привлекали путешествия, приключения и авантюрный исторический жанр, который столь

блестяще реализовал Вальтер Скотт. Джек Лондон, Луи Буссенар, Майн Рид, Жюль Верн, Густав Эмар и Фенимор Купер, Томпсон были моими любимыми авторами. Я засыпал под строчки их книг и просыпался в предвкушении новой встречи с героями приключений. Конечно, моим любимым героем был ловкий и немногословный следопыт Натаниэль Бампо, практически все герои Джека Лондона и, конечно, Белый Клык.

Немного повзрослев, я открыл для себя Хемингуэя, Тура Хейердала, С.Т.Аксакова с его изумительными «Записками об ужении рыбы» и, конечно Сабанеева. Позднее в мою жизнь пришли Пришвин и Паустовский, Бианки и Пермитин, Соколов-Микитов. Вместе с Пришвиным я искал волшебный корень жень-шень в Приморских сопках, с Паустовским бродил по лесам и болотам Мещеры, а с Пермитиным охотился в Приамурской тайге. Уже тогда в совсем «нежном» возрасте я нередко представлял себя с винчестером в руке, отслеживающим какую-нибудь сторожкую антилопу. Не знаю, так ли это на самом деле было? Строки эти пишутся почти пятьдесят лет спустя, что я могу помнить? Но, думаю, именно эти детские впечатления и увлечённость дремали во мне до поры, до времени.

И время это пришло! Кому-то из знакомых отца пришла в голову мысль предложить ему вступить в охотничье общество. Отец, бесконечно далёкий от охоты человек, неожиданно согласился и через год показал мне членский охот-

ничий билет. Некоторое время спустя он принёс купленное по блату (тогда многое было по блату) новенькое, в смазке охотничье ружьё! Наверное, даже если я со временем превращусь в растениеподобного идиота, я и тогда без запинки смогу совершенно безошибочно назвать марку и модель этого первого в нашем доме оружия – это была горизонталка 16 калибра ИЖ-58 МАЕ, с эжектором, облечённая в ореховый приклад и цевьё. Чудо это произошло в середине семидесятых годов и, наверное, это и стало отправной точкой в моём становлении, как охотника. Более счастливого человека в нашем доме в этот вечер чем я, совершенно точно не было. Как же приятно было вдыхать этот терпкий запах густой смазки, перебирать твёрдые кругляши папковых патронов, а потом с усилием загонять их в ещё совершенно тугие и плохо поддающиеся ячейки бурского пояса! Эти подростковые впечатления останутся со мной до конца жизни. Также отец принёс набор для чистки ружья, номерной нож и книжку в мягком переплёте «Охотничий минимум». Эта с виду совсем неказистая книжечка стала моим любимым чтением на долгие месяцы, а название «настольная» из идиоматического оборота превратилось в буквальное.

Дальше началась просто сказочная жизнь! Летом мы с ба-тей поехали на первую нашу охоту. Никогда мне не забыть Горицкое охотхозяйство, что в Калининской области, а ныне в Тверской, уже тогда заброшенную всеми крошечную деревеньку и сплошь заросшую густым камышом небольшую

речку, названия которой я не помню, да и не знал никогда. Речка была совсем невелика, около сорока метров в ширину и напрочь заросшая густым, плотным камышом. Иногда среди камыша встречались крошечные прогалы размером в несколько метров. Думаю, в нормальную речку она превращалась только в период весенних паводков, а затем неотвратимо зарастала. Берега этой речушки были заполнены по обе стороны охотниками, которые стояли бивуаками через каждые сто метров. Через какое-то время по обе стороны реки затеплились небольшие костерки, окрестности затянуло дымом и посередине дня образовался дымный туман. Мужики весело перекрикивались через речку, весело постукивали топориками, трещали и бухали костры, сладко пахло кулешом, лаяли собаки. Обстановка неведомого мне раньше праздника придавала остроту ощущениям, дурманила голову и обещала новые, неизведанные ранее приключения! Много позже я понял, что наша первая с отцом охота пришлась на открытие охоты по перу, чем и объясняется многолюдство, весёлое поведение охотников и замотанность егжей. Мне повезло, я попал сам того, не ведая на главный охотничий праздник года – открытие охоты!

Мы с отцом остановились на окраине заброшенной деревеньки под открытым небом. Предварительно принесли старого сена из почти целёхонького сарая, застелили его толстый слой куском брезента и сделали небольшой навес от дождя. Я натаскал из деревеньки сухих досок и вскоре и у нас

запылал небольшой костерок. Наверное, это и есть счастье, когда ты в 15 лет вместе с отцом оказываешься в месте своей мечты, на охоте, которая снилась тебе десятки раз и сны эти ты помнишь почти наизусть. К сожалению, понимаешь это спустя многие годы, спустя десятилетия... Уже нет в живых отца, а воспоминания о той самой первой и незабываемой охоте, тех мальчишеских ещё впечатлениях, живы и поныне. Как забыть то тёплое утро, предрассветный сумрак, сухое покашливание отца и себя, дрожащего то ли от сырости, то ли от невозможного волнения? Спасибо тебе батя, ты видел, что со мной творилось. Видел и всё понимал. Ты позволил мне первому сделать прицельный выстрел по этой несчастной утке, первый раз в жизни промахнуться, почувствовать первый в жизни азарт и радость от тяжести ружья в руках.

Но тогда всё это было ещё впереди, а пока к нам на огонёк подошёл усталый мужик, который оказался егерем. Он раскрыл издававший виды планшет и начал выписывать путёвку. На вопрос отца, как тянет утка он пробурчал, – А, чё ей сделаться, лягает... На этом наше общение с охотничьей администрацией закончилось. Зато началось общение с местным населением в лице самой осведомлённой его части – пастухом. Невзрачного вида мужичок подошёл к нашему костру и поздоровавшись начал беседу с риторического вопроса, – На охоту мол приехали? Получив утвердительный ответ, он удовлетворённо кивнул и сообщил, что утки мало,

а сейчас вообще всю разгонят охотнички. Отец поднёс пейзанину бутерброд с салом и традиционную при знакомстве чарку. Пастух, которого как это не удивительно звали Иваном, принял угощение весьма благосклонно и посоветовал пройтись по закрайкам леса – мол там выводки тетеревов поднимались им не раз.

– Собачки-то нет у вас по птице? Нет? А то многие держат. Ну, можно и так, ногами побуровить, авось спугнёте, – Иван уже как должное принял вторую чарку, через некоторое время поднялся и заорал на почти взявших нас в плотное кольцо коров, – А ну,, пошли, гойда, гойда! – и ушёл по-английски, не попрощавшись.

Ночь проскочила незаметно. От всех этих дневных тревожностей, ожиданий чуда чудного, полного дня новых впечатлений я и не помню, как заснул, по-моему, только опустил голову на туго свёрнутую телогрейку, так тут же и уснул. Проснулся словно от какого-то толчка. Отец уже затеплил маленький костерок и прилаживал над ним чайник. Было совсем не тихо. С обоих берегов речушки доносились приглушённые голоса, едва мерцали в темноте огоньки костров и слышался общий фон некоего весёлого оживления – народ готовился к утренней зорьке. Мы быстро выпили по кружке обжигающе горячего чая и пошли к заранее, с вечера присмотренному кусту ивняка, от которого хорошо просматривалось русло реки на приличное расстояние в обе стороны. Начало заметно светать, а ничего не происходило. Оба бере-

га затихли в ожидании, сквозь поредевшую утреннюю мглу были видны силуэты двух наших соседей с противоположного берега. Они, как и мы стояли неподвижно, напряжённо вглядываясь в уже почти просветлевшее небо. Отец держал ружьё на локтевом сгибе, а я стоял чуть сбоку от него переминаясь с ноги на ногу. Утка не «лятала» ... Солнце из едва заметной на горизонте робкой полоски призрачного света вдруг осветило окрестности уверенно и ярко. Стояла поразительная тишина, только какая-то упорная пичужка настырно радовалась новому дню и без конца повторяла одну и ту же незатейливую песенку фиу-фиу-фить-фить-фить... В этот момент вдалеке от нас наконец-то глухо прозвучал первый выстрел нового охотничьего сезона! Началось! Я до боли в глазах вглядывался в даль, вглядывался так, что заслезились и начали слегка пощипывать глаза. Через некоторое время отец внимательно посмотрел на меня и чуть улыбнувшись сказал, – Держи ружьё, я покурю пока, – и присел на подстеленную заранее телогрейку. Я благодарно посмотрел на него, расставил поудобнее ноги и застыл в своеобразной стойке для стрельбы, которую десятки раз тренировал дома. Как положено левая нога была опорная и вынесена чуть вперёд. Как же я хотел в тот момент, чтобы мне была дана возможность выстрелить по делу! Как гордо я сжимал цевьё и шейку приклада! Но глубокая, безнадёжная тишина висела словно смог, окутывала нас, приводя в уныние и отнимая надежду. Отец давно уже докурил сигарету,

но не торопился забрать ружьё. Конечно, он прекрасно понимал, видел моё состояние и оставил всё, как есть. Вдруг! Ох уж это «вдруг» на охоте! Сколько раз это «вдруг» меняло тоскливое ожидание на искромётное «летит»! Справа от нас по руслу поднялась почти ураганная стрельба, раздались торопливые выстрелы. Выстрелов было так много, что они сливались в очереди переходя в канонаду. Ещё изда- лека я заметил одинокую, отчаянную крякву, которая лихо уходила от обстрела меня траекторию движения и посте- пенно набирая высоту. Уходя от выстрелов в одном месте, она неизбежно попадала под новые, так как оба берега бы- ли буквально усыпаны охотниками. Когда она поравнялась со мной, утка была уже на приличной высоте и наверное, можно было не стрелять, но кто же удержится! Все знания о плавной поводке и упреждении были благополучно забы- ты, и я броском вскинул ружьё вперёд птицы опережая её на пару корпусов. Отсальтовал первым в жизни выстрелом и проводил невредимого смельчака взглядом. Больше в это утро ни одной утки мы с отцом не видели. Наверное, так дружно съехавшиеся на открытие охотники изрядно распу- гали ещё с вечера всю птицу кострами, песнями, громки- ми разговорами и криками. Думаю, что подавляющая часть птицы благополучно ушла из опасного места ещё совсем за- темно, оставив на потеху тщательно проинструктированных смельчаков, один из которых и произвёл такой фурор на на- шей безымянной речке.

Надо ли говорить, что этот первый день на охоте, первый выстрел и первый промах навсегда остался со мной, во многом определив главное увлечение жизни. Заряд юношеских впечатлений жил во мне долгие годы, чуть затухая за повседневной суетой и вновь разгораясь в мечтах. Очарование атмосферы праздника, сумрак просыпающейся речки и тугой посвист утиных крыльев осталось во мне надолго, наполняя надеждой на скорое чудо, чудо причастности к охотничьему братству, новым, неведомым прежде приключениям и укладу жизни.

Но как же далеко ещё было до воплощения моих надежд! Занятие охотой в то, уже далёкое время было сродни с вхождением в элитарный клуб, в который допускались лишь избранные. Это сейчас любой желающий может подать заявление и спустя несколько дней получить охотничий билет государственного образца. В дни моей молодости всё было намного сложнее. В то время я учился в институте и понятное дело, без протекции попасть в охотколлектив вуза не имел никаких шансов. Всё опять решил так называемый «блат». Тот же товарищ отца, который помог ему получить охотничий билет несколько лет назад, взялся устроить подобным образом и моё счастье. Его знакомый председатель охотничьей первички согласился помочь в этом непростом вопросе. Мне предстояло собеседование с приёмной комиссией на предмет знания охотничьего минимума, охотничьей этики и правил обращения с оружием. Я нисколько не сомне-

вался в своих знаниях, так как эта наиболее полезная книжка была уже давно выучена мной наизусть. Я прекрасно разбирался в моделях оружия, снаряжении патронов, правилах безопасного обращения с оружием, породах собак и видах охотничьих птиц и зверей. Оставалось только убедить строгую комиссию в своей подготовленности и произвести на неё благоприятное впечатление.

В назначенный день и час, немного волнуясь я сидел в ожидании собеседования в помещении охотничьего общества. В коридоре помимо меня маялись ещё два претендента на вступление в славные ряды охотников и рыболовов. Так получилось, что в комнату, где заседала экзаменационная комиссия, первым вызвали именно меня. Изрядно волнуясь, я вошёл в кабинет и увидел, как сейчас сказали бы «тройку» старичков. Это были, судя по их почтенному возрасту, наверное, самые опытные и уважаемые люди охотничьего сообщества. Мне кажется, что всем им было далеко за семьдесят. Они по очереди рассмотрели поданные мной документы, ознакомились с анкетой и начали по очереди задавать вопросы. Вопросы были лёгкие, если учесть, что все они были в рамках охотничьего минимума. Я без запинки рассказывал уважаемой комиссии о номерах дробы при охоте на утку, а также о различиях весенней и осенней охоты на водоплавающих, породах охотничьих собак, правилах и способах снаряжения патронов, безопасном обращении с оружием. Всего было задано, наверное, более десятка вопросов и на все

из них я толково и без запинки ответил. Комиссия довольно покачивала головами, взгляды старичков становились всё более тёплыми, а вопросы всё более заковыристыми. Особенно старался один самый дотошный дед, сидевший посередине «тройки». Видимо, он был председателем комиссии. Дедок, хитро посматривая на меня, спросил каких из охотничьих классиков мне доводилось читать и доводилось ли вообще? Не моргнув глазом, я ответил ему, что прочёл «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» Аксакова, «Русскую охоту» Сабанеева, упомянул про Тургенева и Пришвина. Видно было, что ответ привёл пытливого деду в восторг. Он пожевал губами и вкрадчиво, добрейшим голоском спросил, – А что Миша, из ружья-то стрелял уже, пробовал? Бывал на охоте? И вот тут мной была сделана грубейшая ошибка, которая чуть было не перечеркнула все мои блистательные ответы, подготовку и страстное желание наконец-то стать охотником.

Не учуяв подвоха, забыв всё написанное в охотничьем минимуме, я честно признался, – Да, приходилось, отец давал ружьё, стрелял, но пока не доводилось добывать птицу! Волновался очень, вот и мазал несусветно. От этого моего ответа зловредный дед пришёл в совершеннейший восторг. Его глаза радостно блеснули, и он с восторгом несвойственным обычно его возрасту почти прокричал, – А-а-а! Доводилось! Стрелял, а ведь нельзя! Не имеешь ты ещё права оружие в руки брать! Я, как и Штирлиц был на грани провала... По-

ложение спасли два других, более позитивных деда. Они сокрушённо покачали головами и один из них сказал, – Да, уж Миша, нарушение это, серьёзное нарушение. Но молодец, что честно сказал, не утаил, не стал выкручиваться и врать, главное, хорошо, что честно ответил. Ну, всё, иди подожди в коридоре, мы тебя потом вызовем, как закончим свою работу.

Поникший вышел я из комнаты и на вопрос двух претендентов, только расстроено махнул рукой, мол и не спрашивайте. Зачем, зачем я это сказал, зачем был так искренен и правдив? Огорчение моё не знало предела. Тем временем оба моих товарища тоже вышли из кабинета. В коридоре наступило напряжённое молчание. Наконец дверь приоткрылась и один из старичков указав на меня пальцем, произнёс, -Заходи! Меня немного потрясывало, но я старался не показывать вида. Зловредный старикан внимательно посмотрел на меня и неожиданно расцвёл доброй улыбкой. Так, улыбаясь он и произнёс, -Ну что, Миша, отвечал ты бойко, основы знаешь хорошо. Правду говоришь, это тоже тебе в плюс. Правда, Миша она напортить ничего не может, запомни это! В общем, наша комиссия рекомендует тебя к вступлению кандидатом в ряды охотников и членов охотничьего общества. Теперь в течении года ты будешь кандидатом и сможешь на полном основании принимать участие в жизни и мероприятиях своего коллектива. Но! – здесь он сделал небольшую паузу и продолжил, – Без оружия! Оружие потом, че-

рез год! Запомни это! – А я подумал, какая же у него добрая улыбка, и что это он показался мне таким ехидным и злым, ведь чудо, а не дед!

Через неделю я с восторгом рассматривал кандидатский билет. Он был оранжевого цвета, с синей печатью и моей фотографией! Чудо почти свершилось и через год я стану полноправным охотником! Радости моей не было предела! Впереди меня ждал год изучения азов охотничьего мастерства, увлекательные выезды на положенные отработки в охотничьи хозяйства, знакомство с интересными, опытными людьми.

На отработку мне довелось съездить всего два раза в охотничье хозяйство на Верхне-Рузском водохранилище. Делать солонцы для животных, строить новые и ремонтировать старые вышки, подрубать осинки для зайцев и прочие увлекательные мероприятия было доверено проверенным и опытным охотникам, а мне пришлось заниматься в основном уборкой территории базы и покраской забора. Не очень увлекательное занятие, конечно, но кому-то надо делать и эту работу. Так прошло около трёх месяцев, когда настало время судьбоносного, как оказалось отчётного собрания первичного охотничьего коллектива. Сам я, естественно, на нём не присутствовал, но его результатом стало лишение моего благодетеля всех руководящих постов и ревизией списков членов общества, в том числе и вновь вступивших членов. Оказалось, что таких «мёртвых душ», как я, оказалось около

десяти человек. Конечно, никто нас живьём не видел и услышали о таком солидном прибавлении в коллективе только на собрании. Народ возмутился и низвергнул пронырливого председателя. Было принято решение об аннулировании подложных протоколов и исключении вновь принятых членов из первичного охотничьего коллектива. Что ж, демократия в действии в буквальном смысле этого слова! Кривая дорожка блата привела меня в ту же точку, откуда несколько месяцев назад так удачно подхватила. Поделом. Не стоит начинать дело мечты с подлогов и лжи. Урок на всю оставшуюся жизнь.

В дальнейшем, получив некоторый жизненный опыт я был весьма удивлён поразительной схожестью правил и алгоритмом при вступлении в охотничье общество и вступлением в члены КПСС. Такое впечатление, что правила эти были просто скопированы. Посудите сами, для получения охотничьего билета было необходимо представить рекомендации 2-х охотников со стажем не менее 5-ти лет, протокол первички, кандидатский стаж 1 год, собеседование с приёмной комиссией, обязательные отработки «на земле», изучение профильной литературы. Это сходство только подчёркивало серьёзность подхода общества и государства к охотничьей отрасли, к тем людям, которым будет доверено право владения оружием и присвоено действительно почётное звание – охотник! Наблюдая сейчас, как направо и налево в МФЦ всем подряд раздают охотничьи билеты, остаётся только огор-

чѐнно вздохнуть и вспомнить те времена, когда охотниками становились только подготовленные и достойные люди. После столь печальных нововведений, стоит ли удивляться, когда вновь испечѐнные «люди с ружьями» крошат хлопунцов, лупят по гусям картечью и не могут отличить крякву от чирка, гоняются на снегоходах и квадроциклах за несчастными зайцами? Получили то, что сами заслужили, развалив годами налаженную охотничью отрасль.

Тем временем мы с отцом всё реже выезжали на совместные охоты, его так и не «зацепило» это интереснейшее занятие. Но в моей душе жила надежда, что когда-нибудь при удобном случае мне всё же удастся стать охотником. Случай этот появился уже в начале 90-х, когда в круговерти новых общественно-экономических отношений были смяты установленные ранее правила и многие общественные организации боролись за выживание. Я, просто пришѐл в одно из районных обществ города и сказал о своём желании стать охотником. Прежние, строгие порядки были уже в прошлом и после непродолжительной беседы я уплатил вступительный взнос, некоторую сумму за отработку и мне был выписан членский билет районного общества охотников и рыболовов. Вот так просто и буднично исполнилась моя мечта. Чуть более пятнадцати лет ожидания и вот наконец-то свершилось! Через некоторое время я приобрѐл своё первое и до сих пор самое любимое ружьѐ ТОЗ-34. В то время в охотничьих магазинах выбор оружия был крайне скуден

и оружейный ряд был представлен в основном двумя моделями: ТОЗ и ИЖ. Я остановил свой выбор на Тулке и нисколько об этом не жалею. Ружьё это служит мне верой и правдой до сих пор, а добыто из него столько дичи, что сейчас иногда это количество кажется вымыслом. Как и любой гладкоствол, это ружьё универсально и применялось мной, как при охоте на пернатую дичь, так и на копытных.

Теперь, когда с документами и оружием всё было в порядке, главным становилась то, ради чего всё это затевалось – Охота!

Впереди было открытие весенней охоты. Понятно, что мои знания ограничивались исключительно охотничьим минимумом и не более, так как с отцом мы ездили только на утку, да и то на пролёте. Всю доступную информацию в то время можно было получить только из профильной литературы, либо из уст бывалых охотников. Я решил пойти проверенным путём и в магазине «Охотник», что находится возле метро «Новые Черёмушки» приобрёл, как потом оказалось очень толковую книгу – двухтомник «Всё об охоте». По построению и манере подачи информации эта книга очень напоминает Охотничий минимум, только в намного более подробном и развёрнутом варианте. Она то и стала моим спутником на ближайшие несколько лет. Книга очень толковая, достаточно подробная и написана доступным для неискушённого человека языком. Проштудировав её, что называется «от корки, до корки» понял, что эту весну мне луч-

ше всего посвятить охоте на вальдшнепа, как наиболее доступной и простой для новичка в наших природных условиях. Не мудрствуя лукаво, я решил, что местом моей первой самостоятельной охоты станут окрестности нашего дачного посёлка, вокруг которого располагался смешанный лес с большим количеством опушек и лесных полян. Незадолго перед открытием весенней десятидневки была приобретена путёвка и патроны с седьмым номером дробы. Все оставшиеся до открытия две недели я засыпал под виды лесных перелесков и мечты о заветном лесном кулике.

За суетой на работе и как-то неожиданно свалившимися на меня обильными домашними заботами две недели пролетели незаметно. Оглядываясь назад, я понимаю, что незаметно могли пролететь именно эти первые две недели. Тогда я ещё не вполне понимал, не осознавал до конца, какое пиршество впечатлений и праздник ждёт меня впереди. Теперь время останавливается, словно огромные тормозные колодки зажимают его плотно и не дают двигаться вперёд. С годами чувство это не ослабевает, а наоборот только усиливается. Наверное, сказывается возраст, и всё чаще сам себя спрашиваешь, – Сколько ещё раз судьба позволит опять услышать стон влюблённого кулика, сколько раз проводишь ты взглядом тянущего в стороне лесного отшельника?

В то утро я проснулся с ощущением почти полного счастья. Оно до краёв наполняло меня, расплёскивалось вокруг и если бы могло светиться, то точно бы раскрасило причуд-

ливыми огнями деревенский дом, где я ночевал и близлежащие окрестности. Накоротке сбегал в лес и приметил подходящую лесную поляну с одиноким высоким деревом почти ровно посередине. Поляна точно повторяла основные рекомендации охотничьих справочников.

В семь часов вечера нестерпимый зуд первой самостоятельной охоты привёл меня на выбранное место. Разложил совсем крохотный костерок и вскипятил чуть-чуть кипятка на одну кружку чая. С этого момента не было ещё ни одной тяги, которая не начиналась бы с ароматного, только что с костра, чая с дымком. Это стало некой традицией, которую я обязательно соблюдаю вот уже несколько десятилетий.

В жизни как-то так всё устроено, что рядом с радостью обязательно идёт какая-то неприятность, а иногда и беда. Не замечали? Вроде хорошо всё и раз, хоть небольшая, но тучка набегает на нашу жизнь, старается заслонить успех, радость. В этот счастливый день рядом со мной было настоящее горе. Несколько месяцев назад умер отец, умер скоротечно, тихо и как-то очень страшно для меня. Страшно беспомощностью моей, пониманием того, что ничего уже не изменить. Страшно ожиданием этого, страшно отчаянием матери, которая буквально за месяц постарела сразу на несколько лет. В несколько месяцев, ещё нестарого совсем человека съела неизлечимая болезнь, превратила его из уверенного в себе мужчины в буквально тень, измождённую и ослабевшую. Что же можно было сделать? Наверное, ни-

чего. Где-то глубоко, тайно и подло, страшная хворь всё это время незаметно готовила своё разрушительное действие. Когда она стала заметна, было уже поздно... Неистребимое чувство вины преследовало меня все последующие месяцы, раз за разом я возвращался к этим событиям и корил себя. В чём? Во всём: в постыдной, непростительной невнимательности, благодушии и лёгком снисходительном превосходстве глупой молодости, в некой резковатости суждений, да мало ли в чём. Я осуждал себя, с отчаянием и горечью понимая, что никогда уже мне не увидеть столь дорогого и родного человека.

Я сидел на поваленном стволе и держал кружку с чаем. Мысленно разговаривал с отцом, он был рядом. Да, и как могло быть иначе? На моей первой охоте батя незримо присутствовал, конечно, я верю в это. Заметно стемнело, весенний, звонкий день стихал, от земли потянуло вдруг сыростью и холодом. Я чутко вслушивался, очень внимательно оглядывал горизонт, но ничего не видел. Смешной я был тогда. Ведь никогда раньше мне не приходилось слышать хорканье вальдшнепа, никогда я не видел эту птицу. Все мои знания были из охотничьей литературы и только из неё. Конечно, в этот первый выход мне не помешал бы опытный товарищ, но такого у меня не было. Всё впервые, всё сам. В этом тоже есть некая прелесть – все ошибки, знания и успехи – всё моё и только моё. Так и крутил я головой, но пока ничего не слышал и не видел. Вдруг прямо над лесом по-

слышались непонятные, неведомые мне ранее звуки, схожие, наверное, с негромким хрюканьем небольшой свинки. Это был он, вальдшнеп! Он летел довольно медленно, опустив клюв вниз и, видимо, осматривал окрестности. От неожиданности я вжался спиной в куст и не поднимая ружья проводил его взглядом. Не готов был стрелять. Как оказалось впоследствии это был так называемый «объездчик», старый, опытный самец, который делает пробный облёт территории. Его категорически не рекомендуется стрелять. Где-то далеко глухо шумнул первый выстрел. Через несколько минут прозвучал ещё выстрел, затем ещё один. Похоже начиналась тяга и мне оставалось только ждать и надеяться на удачу.

Было ещё довольно светло и поверхность земли чётко просматривалась на несколько десятков метров вперёд. Как же всё это зыбко и ненадёжно! Через десять минут всё вокруг стало неумолимо сереть прямо на глазах, густые сумерки готовились опуститься прямо мне на голову, к тому же лёгкая зыбь тумана начала окутывать окрестности пока ещё совсем не страшной, полупрозрачной плёнкой. И вот тут закрутилось! Опять над лесом послышалась уже знакомая мне свадебная песня и новый кулик показался над верхушками деревьев. Я стоял не двигаясь, как предписывал учебник и только в последний момент, когда птица была прямо над мной резко вложил ружьё и чуть обогнал силуэт стволами. Если бы я промазал по первому в своей жизни вальдшнепу, то не знаю стал ли бы столь заядлым охотником в дальней-

шем. Но чудо произошло и птица, кувырнувшись несколько раз в воздухе упала в десятке метров от меня. Я бросился к ней и нагнувшись услышал новое хорканье почти в том же месте, что и в первый раз. Мне удалось развернуться и стрелять пришлось уже сидя, оперевшись одним коленом о землю. В этот раз я не стал напускать птицу в упор, а сделал приличное упреждение и нажал на спусковой крючок лишь только самец показался над краем поляны. И в этот раз охотничье счастье было на моей стороне! Тем временем, тяга была в самом разгаре. Мне удалось увидеть вне выстрела ещё шесть птиц, по четырём стрелял и попал в двух! Последних двух сбитых я искал уже почти в полной темноте, подсвечивая себе фонариком. И ведь всех нашёл! Как говорится дуракам и новичкам везёт. В этот вечер я был и тем и другим одновременно. Не зная местности и повадок птиц, я выбрал, по-видимому, чрезвычайно удачное место. Кроме того, судя по всему, мне удалось попасть на окончание валового пролёта. Всего в этот вечер я видел 13 птиц, стрелял по шести, ещё несколько слышал, а многих думаю просто не заметил и не услышал. Как ни странно, более насыщенной тяги в моей охотничьей жизни больше не было. Мне кажется, что это Папа помог, положил на моё плечо невесомую ладонь, незримо отпраздновал вместе с сыном его первый охотничий праздник.

Бурелом

Как приятно возвращаться домой, когда всё задуманное сбылось, а труды не пропали даром. Только позавчера я закончил возню с постройкой скрадка, а уже сегодня с утра небольшой рюкзачок приятно потягивает плечи двумя отменными крякашами.

Места наши напрочь лишены каких-либо водоёмов и возможность поохотиться на утку ограничена всего лишь одним лесным озерком. Впрочем, озером назвать этот водоём трудно. Мы с псом нашли его совершенно случайно, когда по заведённой традиции скитались по близлежащим лесам в поисках вальдшнепа. Лесной кулик одиноко лежал в ягдташе, а я примостился на поваленном стволе берёзы с удовольствием вытянув усталые ноги. Пёс тоже изрядно вымотался за три часа работы и теперь смиренно лежал рядом, положив голову на передние лапы.

Всё-таки середина октября самое чудесное время для неспешных созерцательных скитаний по столь милым моему сердцу перелескам и опушкам. Ещё не до конца облетела листва и внезапно налетевший порыв ветра раскрашивает воздух золотистым снегопадом листьев, а выглянувший, по-осеннему робкий лучик солнечного света грустно отражается в мельчайших брызгах воды, бессильно повисших в сетях осенней паутины. Совсем тихо. Неугомонные и вездесущие

грибники отложили объёмистые корзины до следующего сезона, и теперь только мы безраздельно владеем этой лесной тишиной, наслаждаемся долгожданным уединением и покоем. Внезапно пёс сторожко поднимает голову и поворачивает её в сторону недалёкой от нас опушки. Я тоже смотрю туда же и уже через несколько секунд слышу посвист крыльев. Кобель уже на ногах и, подняв голову вверх, внимательно следит за небом. Мгновение, и, чуть не задевая верхушки деревьев, над нами проносится стая кряковых. Миг и они исчезают, словно их и не было. Мы с псом смотрим друг на друга. Я улыбаюсь, а пёс опять прислушивается и смотрит уже в противоположную сторону. Ещё несколько секунд и чуть в стороне опять проносится стайка крякашей. Звуков полёта уже не слышно, но видно сквозь поредевший без листвы лес очень хорошо. Похоже, они делают облёт и готовятся к присаде, как раз в той стороне, где мы ещё ни разу не были.

Та часть леса очень захламлена упавшими деревьями и один раз пройдя метров пятьдесят по бесконечным завалам я, чертыхаясь, вернулся назад и зарёкся ходить в этом направлении. Но теперь понимаю, что там безусловно есть что-то интересное. Ох и не хочется туда лезть! К тому же прекрасно понимаю, что утиная присада может быть сколь угодно далека от нас, ведь на то расстояние, что стая может преодолеть за несколько секунд, у меня может уйти час, а то и больше. Но охота пуще неволи. Может быть вернуться сюда завтра и со свежими силами? Нет, всё, меня заело. По-

нимая, что делаю большую ошибку, лезу в самый бурелом. Псу передаётся моё настроение, и он возбуждённо нарезает извилистые галсы неподалёку от меня. Похоже здесь прошёл какой-то фронт ураганного ветра и идти просто невозможно. В обе стороны движения сплошь поваленные, вывернутые из земли деревья, через которые приходится перелезать, подныривать под них, обходить и молиться, чтобы пёс не разодрал себе брюхо о поломанные ветки, которые острыми ножами торчат со всех сторон. Кобель то и дело мелькает впереди, иногда надолго скрывается из вида, а я с тоской лезу вперёд, мучительно ожидая его жалобного визга. Оказывается, в середине октября очень жарко и через десять минут я сначала снимаю кепку, а ещё через минуту штормовку и сбив её в плотный комок прячу в ягдташ. Всё, больше в него ничего не положишь, он раздулся, как торба китайского крестьянина и теперь цепляется за все ветки и сучки. Прощай мой кожаный друг, прощайте твои гладкие коричневые бока, прощай щеголеватая амуниция легашатника!

На черта мне эти утки, что за блажь?! Подбегает весёлая собака и я вижу, что он подозрительно мокрый, а на спине прилепились частицы ряски! Ты что, купался? А утки? Утки были? Молчит мой друг, только смачно отряхнулся и забрызгал водой непутёвого хозяина. Если впереди водоём, то значит он пуганул уток, но я ничего не слышал. Может водоём не один, почему они должны быть именно здесь, да и он далеко может быть, на пса тут ориентироваться нечего, ему ки-

лометр по лесу прочесать ничего не стоит. Но мокрый, и ещё не отряхнулся! Значит рядом! Ах, как хочется, чтобы было рядом, чтобы эти завалы закончились, наконец. Кряхчу, соплю, как паровоз, но лезу вперёд. Пройдено уже столько, что как подумаю об обратной дороге, так становится не по себе. Опять прибегает мокрая и счастливая собака, окатывает меня брызгами и убегает. Откуда эти завалы? Будто чёрт наворотил. Не припомню в наших краях никаких ураганов в обозримом прошлом. Может быть какой-то смерч? Как теперь узнать, но деревьев повалено немеряно. И что интересно, повалены в основном высокие, да могучие. Низкорослые уцелели. Но вот вроде впереди виднеется какой-то прогал, но тащится до него ещё ой как далеко. Сколько же я прошёл? Как потом оказалось всего-то метров пятьсот-шестьсот, а времени затратил около сорока минут. И на черта мне это озеро, всё равно, даже если оно есть, больше в это место ни ногой! Уф! Опять появился кобель, он уже совершенно освоился в этих завалах и деловито снуёт взад-вперёд, что-то обнюхивает, ловко перепрыгивает через поваленные стволы, если надо, подныривает под них и будто ведёт меня вперёд, постоянно оглядываясь. Добрался.

Начались маленькие сосенки, так, метра по два-три высотой. Стоят стеной, завалы кончились, а под ногами появляется тёмно-бурая жижа. Почва чрезвычайно мягкая, мшистая. Ноги тонут по щиколотку, а поверхность напоминает трясину. Продираюсь сквозь густой забор сосенок, и впереди от-

крывается дивный вид. Передо мной лежит совсем крохотное лесное озерко, окружённое топкими болотистыми берегами. Берега эти покрыты изумрудного цвета мхом, на котором россыпью произрастают корявенькие и маленькие сосенки. Водоём совсем невелик, где-то около сотни метров в длину и не более полусотни метров в ширину в самом широком месте. С одной стороны его берег плотно зарос камышом, а с другой мох и сосны вплотную подступают к водной глади. Почти посередине озера расположен крохотный островок, площадью не более десяти-пятнадцати квадратных метров. Меня охватывает щенячий восторг! Я чувствую себя открывателем неведомых земель, этаким исследователем, подобно Арсеньеву. Закуриваю и пробую сделать несколько шагов по пушистому коврику мха. Зыбкая почва колыхнется при шагах и подаётся вниз, тут же выправляясь, лишь только уберёшь ногу. Опасаюсь, нет опыта ходить по такой зыбкой почве. Из чахлой берёзки вырезал слегу, будто она чем-то сможет помочь. Но с ней немного спокойнее. Подхожу к самому урезу воды. Вода чёрная, как смоль, по цвету похожа на воду в торфяном карьере. Никакой живности не видно, только пёс немного оживляет картину, носится вдоль озера, то и дело подбегая ко мне. Что же делать? Наверняка здесь на пролёте присаживаются утки, но как сюда добраться? Ещё раз пробираться через порушенный лес нет никакой охоты. Немного поразмыслив, решаю, что если уж добрался сюда, то надо соорудить небольшое укрытие для засидки. Делать её

надо безусловно на чистом берегу, используя уже растущие сосенки. Решаю нарезать больших сосновых веток и сделать частокол, навроде забора. Место открытое, но другого варианта больше нет. Сказано-сделано, через полчаса нетрудной работы небольшой скрадок почти готов. Получился он высотой чуть больше метра, только вот быстро не встанешь, не вскинешься как следует, трясина зыбкая, да и при долгом стоянии на одном месте погружаешься в воду выше щиколоток. Выход один, напилить стволиков сосёнок на какое-то подобие настила. Тут уже дело пошло не так быстро, как с ветками, но пилка моего мультитула справилась и с этой задачей. Выложил пол, попробовал присесть и быстро встать – вроде неплохо получается. Ладно, была бы утка, а встать как-нибудь сумею. Говорят, что счастливые часов не наблюдают, истинная правда! Так я обрадовался этой лесной находке, так увлёкся строительством, что потерял счёт времени. Получалось, что с учётом охоты, мы с псом находимся в лесу уже около шести часов. Только подумал об этом и сразу навалилась усталость, почувствовал, что «кружится спина». Пора выбираться назад, домой.

Поверхность мха сплошь усеяна кустиками клюквы. Ягод нет, но очевидно, что в сезон клюквы здесь полно. Сразу в воображении возникает большая и красивая птица -глухарь. На рассвете он неспешно передвигается по роскошному ковру мха и лакомится алой, терпкой ягодой. На секунду настораживается и прислушивается. Всё спокойно, он про-

должает свой изысканный завтрак. А это что? Взгляд привлекает какое-то матовое пятнышко. Нагибаюсь и разгребаю мох. Оп-п-а-чки! Вот это, да! Бутылка из-под водки... Даже этикетка ещё не совсем истлела – «Русская валюта». Так и знал, что озерко это, известно не только мне, но и многим другим. Ах, люди, люди! Ну что же вы такие свиньи, а? Такое красивое место и вот... Огорчению моему нет предела. Конечно, смешно было полагать, что это место будет совсем диким, это в таком-то густонаселённом районе, как наш. Остаётся надеяться, что оно хотя бы малопосещаемое. Пригляделся внимательнее. Конечно, вон вдали у кромки болота и леса похоже валяется брошенный красный пластиковый пакет. Значит ходят сюда местные, клюкву собирают, надо искать их тропинку, ну не по завалам же они сюда ходят с бидонами да корзинками. Обращаю внимание, что пёс уверенно и целенаправленно двигается в одном и том же направлении. Пригляделся, и точно, видна еле заметная дорожка ведущая в глубину леса, со стороны противоположной к тому месту, где я выходил. Вот здесь они и ходят! Через пять минут эта тропинка вывела меня на слегка заросшую просеку. Просека была, видимо, проложена довольно давно и изрядно поросла молоденькими деревцами, но осталась вполне проходимой. Вот и следы, оставленные «венцом природы» – смятая пачка от сигарет. Эх, люди-человеки!

Иду около пятнадцати минут, просека выводит меня на хорошо знакомую лесную дорожку, по которой, если

двигаться споро, до дома остаётся всего пара километров. Странно, что ни разу не заходил на эту просеку за все эти годы... Впрочем, весь лес досконально не изучишь, и он частенько удивляет новыми загадками и открытиями.

Через сорок минут мы с пёселем были дома и когда в угол было поставлено ружьё, а охотничья амуниция сложена в положенном ей месте, я устало откинулся на спинку дивана и понял, что никуда завтра не пойду, просто нет сил. Давненько мне не доводилось быть на охоте по восемь часов кряду. Вспомнилась шутка Гарика Сукачёва, который решил, вспомнить молодость и попробовать портвейн «три семёрки». «Сорвал зубами пробку, налил полный стакан, выпил и... понял, что молодость прошла», – грустно улыбаясь сказал Сукачёв. Да, я тоже давно знал, что она прошла, но чёрт побери, дух-то ещё молод, а кондиции, увы, уже совсем не те.

Весь следующий день я мучался сомнениями, что зря не пересилил себя и не пошёл на лесное озеро. Меня точили мысли, что, наверняка, всё озерцо забито северной уткой, а собиратели клюквы, обнаружив моё хлипкое строение, злобно и радостно разбрасывают установленные мной ветви сосны приговаривая, – «Ишь, чего удумал, нечего тут!» – радостно ухмылялись и гоготали. Я неприкаянно бродил по участку, занимался какими-то повседневными делами, жёг в бочке опавшую листву, а мысли были там, в лесу. Пёс, конечно, чувствовал моё нервное настроение и мотался за мной, не отходя ни на шаг.

Волей-неволей, монотонная струйка дыма тлеющей листы, его особый осенний аромат, немного успокоили меня, ненужное возбуждение почти пропало, и я начал вспоминать, как более десяти лет тому назад купил здесь дом. Его покупка была моей давней мечтой, и я тщательно выбирал место, чтобы, выйдя на пенсию, полностью и безоглядно посвятить всё свободное время единственному, наверное, увлечению в жизни -охоте с легавой.

Пожалуй, почти полное отсутствие людей и автотранспорта является главным преимуществом этих мест. Здесь нет рыбаков, потому что нет никаких водоёмов, нет грибников, потому что ближайший лес в километре отсюда, нет автомашин, потому что проезд в единственную близлежащую деревеньку идёт далеко отсюда. На моей памяти здесь никто и никогда не косил, здесь царство почти первозданной природы. Лучшие садовники на свете – ветер и птицы, усердно засаживают свободные участки кустиками ивы, деревцами ольхи и берёзками, иногда встречаются пока маленькие ёлочки и даже редкие в наших местах сосенки. Солнца в чистом поле предостаточно и деревца растут стройными, ёлочки и сосны пушистыми и ровными. Ещё несколько лет и в этих местах можно будет с успехом охотиться на вальдшнепа на пролёте. А может быть какой-нибудь ушлый и пронырливый коммерсант купит эти земли за бесценок и начнёт строить очередной коттеджный посёлок. Проложит надёжную гравийную дорогу и наполнит окрестности шумом работающей

тяжёлой техники, визгом бензопил, устроит свалку строительных отходов и разобьёт передвижной городок для строителей.

Скорее всего так и будет. Недаром по всему полю торчат жёлтые трубы газовой разметки, кто же их просто так ставит в чистом поле. Примеров тому очень много и там, где ещё лет пять-шесть назад мы охотились на косачей, теперь стоят стройные ряды домов, снуют автомашины, а близлежащие леса загажены свалками и отходами жизнедеятельности отдыхающих и строителей. Но мы с псом надеемся, что алчный любитель злата немного подождёт. Ну, хотя бы лет пять и даст нам насладиться неспешной осенней охотой на длинноклювого странника. Пока же мы всё дальше отходим от нашего посёлка, чтобы начать охоту, и скоро из разряда «за забором» она перейдёт в «тут совсем недалеко ехать, всего пять километров». Да, что говорить, так хочется, чтобы красивые «Тургеневские» охоты продолжались, чтобы как раньше бухтели в полях тетерева, юркие коростели по-прежнему изводили собаку пронырливым бегом, а стаи серых курочек взрывали воздух посвистом стремительного взлёта стаи, чтобы потревоженный русачок вначале неспешно, а потом и нешуточно скакал, уходя от наседающего пса, чтобы по-прежнему находить в лесу сброшенные лосиные рога, а пёс мог деловито обследовать ночные порои кабанов! А ведь ещё несколько лет назад так и было. Но прогресс неутомим, только прогресс ли это? Животина быстро реагирует на измене-

ния, покидает беспокойные места, уходит всё дальше и дальше, забиваясь в совсем уже «крепкие» места, которых становится всё меньше и меньше. Эти мысли всё чаще посещают меня, когда сталкиваешься с опустевшими угожьями и вереницами автомобилей в выходные. Но пока здесь царство нетронутой природы.

В иерархии птичьего населения этих мест нет ярко выраженного лидера по численности. Наверное, больше всего можно встретить коростеля, ну а на пролёте, если повезёт, то бывало и до десяти работ за выход. Второе место держит серая куропатка, но её кратно меньше и на этом поле постоянно обитает всего одна стайка, численностью до двенадцати голов. Она постоянно перемещается, мигрирует на соседние поля, иногда вроде бы пропадает, но неизменно с течением времени возвращается и радует нас. Она нашенская, местная. Её мы не охотим, относимся к ней с трепетом и подкармливаем зимой просом и пшеницей. Зато какое удовольствие весной, когда птица разбивается на пары и готовится к кладкам, наблюдать за работой истосковавшейся за зиму по охоте собаки. Эти весенние работы, радуют нас обоих неизмеримо больше, нежели летне-осенняя охота. Зима прошла, птица убереглась, перезимовала, выжила – жизнь продолжается! Тетеревов ещё меньше, но они есть. Эти большие, красивые птицы, вершина птичьей иерархии наших мест. Они совсем немногочисленны, но иногда дарят нам надежду и наполняют наши скитания по угожьям тайным смыслом охот-

ничьего восторга встречи и обладания редкостным трофеем. Мы позволяем себе только одного петуха в сезон. Глядишь на иссиня-чёрный наряд лесного красавца, выпуклые, словно налитые алой краской брови и душа наполняется сначала восторгом, а затем тихой грустью и неизбежным сожалением о сделанном выстреле. Нам с помощником приблизительно известны места, где эти невообразимо красивые птицы собираются на кормёжку и в начале сентября мы начинаем планомерно обходить их, пытаемся на верный выстрел подобраться к ним. В это время выводки молодых тетеревов почти разбились и ещё довольно хорошо «держат» легавую. Оперение молодых петушков начинает чернеть и их хорошо можно отличить от окраса курочек. Но всё равно опасение выстрелить в самочку так велико, что при подъёме птицы, всегда неожиданном, когда сгусток энергии взрывается неожиданным шумом, ты умышленно затягиваешь момент выстрела, пытаешься окончательно убедиться, что это петух. Иногда эта заминка приводит к промаху и поначалу огорчение и вина перед собакой весьма велики, но через мгновение начинаешь улыбаться, провожая взглядом улетающую птицу.

Если же вернуться к куропаткам, то моё утверждение, сделанное ранее, что мы её не охотим не совсем правдиво. За сезон я позволяю себе взять пару курочек, но ни в коем случае больше. Найти их не так-то просто и частенько бывает, что два-три часа блужданий по перелескам, полям и опушкам ни к чему не приводят.

Интересное дело, иногда самые незначительные события накрепко откладываются в памяти и при случае сами собой «всплывают», вызывая улыбку. Вновь переживаешь давно прошедшие события, вспоминаешь неожиданные встречи и обстоятельства их породившие. Как работает человеческая память, почему иногда пустяшное впечатление надолго, если не на всю жизнь, занимает свою ячейку и при малейшем поводе услужливо «всплывает», словно было вчера, а казалось бы, яркое, действительно важное событие напрочь стирается из памяти? Наверное, тут важен контекст этих событий, их значимость для человека. А уже долгое время всё связанное с охотой чрезвычайно привлекает меня, как правило, на долгое время откладываясь в памяти. Если раньше в основном это были яркие впечатления от удачных выстрелов и добыча тех или иных трофеев, то с годами всё чаще стали запоминаться люди, так или иначе встреченные во время охотничьих скитаний, их особенности и черты характера, нюансы поведения и манера речи. Зачастую человек, занимаясь любимым хобби, расслаблен, чист и предельно естественен в своём поведении, что частенько «сбрасывает» с него всё наносное, искусственное. Вот и сейчас, услышав в глубине леса голос гончей, я улыбнулся и перед глазами возникли мой новый знакомый Сергей и две его гончих — Буря и Партизан.

Встреча эта произошла всего несколько недель назад, в середине сентября, всего лишь спустя пару дней после откры-

тия охоты на зайцев. В тот день я бродил по лесу и занимался «тихой охотой». Наконец-то прошли долгожданные дожди, высушенная летней засухой земля немного насытилась влагой и, выждав несколько дней, я отправился в лес. Всё же я немного поторопился, и тихие лесные обитатели ещё не успели набрать силу и грибов было не очень много. Тем не менее несколько десятков благородных представителей грибного племени удобно расположились на дне не по добыче большой корзины. Основными трофеями осеннего леса были словно калиброванные, с почти одинаковыми по размеру шляпками, тёмно-коричневые подберёзовики на тонких, совсем хлипких ножках и несколько штук крепеньких красноголовиков-подосиновиков. Истосковавшийся по дождям лес одарил меня и царскими грибами – белыми, которых было всего четыре штуки, но так хороши были их светло-коричневые упругие шляпки, так крепки, объёмисты толстенькие бочкообразные ножки, что одно их присутствие в корзине разом облагораживало её содержимое, делая его значительным и роскошным. Мой неутомимый напарник в этот раз остался дома, так как несколько дней назад наколот переднюю лапу и теперь неловко скакал на трёх. Я решил оставить пса дома и всё время недолгих сборов, мои передвижения по дому сопровождал пронзительный и умоляющий взгляд верного друга. Через два часа прогулки по лесу, я решил возвращаться и вышел на хорошо знакомую мне просеку, по которой до дома было не более получаса ходьбы.

Через пятьсот метров была своротка на уже вполне приличную лесную дорогу, хорошо укатанную автомашинами. Я собрался было свернуть на неё, как неожиданно услышал собачий лай и треск сучьев. Прямо на меня из густых кустов выскочила небольшая гончая, и мотнув хвостом, потрусила вперёд. Для меня это было большой неожиданностью, потому что впервые за много лет я увидел гончую в наших лесах. Похоже, что эта традиционная охота навсегда покинула наши места. И вот такая нежданная встреча! Я с интересом двинулся за собакой и через несколько десятков метров увидел стоящего на дороге охотника. Я сразу решил не выказывать свою принадлежность к охотничьему сообществу, ведь находясь в чуть более выигрышном положении, человек раскрепощается и полнее раскрывает себя. Мне было интересно. Мужчина средних лет и такого же среднего роста с любопытством поглядывал на меня, а вокруг него крутилась пегая гончая. Неспешно подойдя, я остановился возле него, поздоровался и решил сразу «взять быка за рога», то есть поговорить на беспроегрышную тему – о собаках. Редко какой из владельцев охотничьих собак устоит перед соблазном просветить новичка по поводу достоинств своих питомцев.

– Доброе утро! Ого! Вы что же охотник? Это что за собака у вас такая, борзая? – я специально провоцировал мужика на лекцию о породах собак и их предназначении, – Никогда не видел таких собак, они по какой зверюшке приспособ-

соблены? По утке? – я простодушно смотрел на него в ожидании ответа. Мужик с хода заглотил наживку и набрал полную грудь воздуха, – Ага, борзая, по утке, по чему же ещё! – он лучился сарказмом и добродушием. В этот момент мне вспоминались наши поселковые придурки, которые сопровождали меня вопросами, – Где утки? – и радостно ржали, не ожидая ответа. Дело в том, что, возвращаясь с охоты, мы с псом вынуждены были проходить по центральной улице и все встречные особи мужского пола задавали нам этот сакраментальный вопрос. Попытки объяснить что-то про легавую и красную дичь, что для нас утки это, как для рыбака ротан, ни к чему не приводили и только время немного успокоило наших неутомимых шутников. Впрочем, шутки эти были довольно добродушными, только очень надоедливыми. В один из дней я не выдержал и громко – на всю улицу пропел им известную частушку, – «Мимо тёщиного дома я без шуток не хожу, то ей.....» дальше по всем хорошо известному тексту. Вместе поржали, да и разошлись по своим делам. И вот теперь я старательно изображал такого же доброжелательного балбеса. Мой расчёт полностью оправдался и Сергей – так звали моего нового знакомого, начал подробно объяснять мне отличие собак гончих пород от борзых, нюансы охоты с ними, особенно упирая на добычливость. Мне оставалось только послушно кивать головой и вставлять восхищённые междометия. Через пять минут я знал, что у него две гончих собаки, Буря и Партизан. Буря – вот она, ещё со-

всем молодая, ей только чуть больше года, и он её только начал наганивать, а Партизану уже восемь лет, он очень опытен и в прошлом сезоне из-под него он взял больше двух десятков зайцев и сколько-то там лисиц. В паре он их пока не пускает, так как опытный выжлец совсем замотает молодую сучонку. И вообще, Партизан очень вязкий, ни за что не отпустит зверя, будет гонять его до тех пор, пока не выставит под выстрел – настоящий Работяга. В это время в глубине леса, но не так уж и далеко раздалась звуки лая собаки. Сергей прислушался и улыбнувшись, произнёс, – Партизан! По следу идёт! Старый вояка, теперь ни за что не отпустит. Ладно Миша, пойду под гон попробую подстроиться, неровён час и ушастый проскочит, надо не прозевать! – Мы пожали друг другу руки и разошлись в разные стороны.

Я продолжил путь домой, а Сергей юркнул в кусты и быстро скрылся в лесной чаще. Через несколько сот метров на пересечении дороги и слегка заросшей просеки я увидел Партизана. Он сидел столбиком на этом перекрёстке и изредка побряхивал высоко поднимая морду. Пёс был крупный, я так думаю, что не меньше семидесяти сантиметров в холке и имел нарядный трёхцветный бело-рыже-чёрный окрас. Неспеша приблизившись к кобелю, я остановился и обратился к нему с укоризненной речью, – Что же ты, Работяга, творишь? Хозяин твой по лесу бегают, под гон подстраивается, а ты брешешь тут, прохлаждаешься, – пёс, услышав человеческий голос улыбнулся (все, наверное, видели

эту собачью улыбку) ещё выше задрал морду и вновь гавкнул. Было видно, что кобелю совершенно не хочется бегать по лесу сломя голову и он получает истинное наслаждение от этого созерцательного занятия. Я продолжал разговаривать с ним и увещевая, и улыбаясь, – Ну, ты бы поискал хоть немного, ну нельзя же так, ты же Работяга! – пёс ещё раз гавкнул, встал и отойдя от меня на несколько метров опять сел, – Понятно! – я засмеялся и направился прочь. Теперь мне было ясно, почему Сергей не пускал вместе со старым бездельником выжловку. Такая учёба могла привести только к одному – молодая сука вполне могла перенять подобные хитрости и уже смычок гончих «гонял» бы беспокойное племя длинноухих по окрестным лесам. Думаю, хозяин был прекрасно осведомлён о нраве и повадках Партизана, но кто из нас не прощал своим любимцам огрехи воспитания и дефекты в работе? Так, продолжая улыбаться, вспоминая хитрого и ленивого пса я и добрался до дома, где меня восторженно встречал у калитки мой любимый друг.

На следующее утро я встал совсем затемно, проглотил чашку обжигающего чая. Извинился перед псом и опять не взял его с собой. Долго объяснял ему, что в засидке ему делать нечего, да и прилечь негде, мол вода кругом. Но на этот раз он ничего не хотел слушать и помимо умоляющего взгляда меня сопровождал негромкий, но очень художественный, похожий на арию Каварадоси вой.

Знакомый путь преодолевается быстро и через полчаса я

уже был на подходе к лесному озерку, которому по своей давней привычке я дал собственное название – «Тайное озеро», тайное, похоже, только для меня. Конечно, я припозднился и только вышел из леса на зыбкую, трясинистую почву, как с озера шумно поднялась небольшая стайка кряковых. Они сделали небольшой кружок, словно прощаясь с приютившей их на ночь заводью, и растворились в ещё по-утреннему сумрачном осеннем небе. Будут ли ещё утки, или утрянка теперь будет неудачна? Повезёт ли мне на этот раз? Эти обычные вопросы крутились в голове, когда я, недовольно сопя и чертыхаясь, залезал в скрадок. Оставалось только ждать и надеяться. Я уселся на раскладной стульчик, пристроил поудобнее ноги, прислонил ружьё к стволику сосенки и приготовился к длительному ожиданию. Если рассудить, то вся охота, как это не парадоксально, сплошное ожидание. Взять, например, загонную на копыта. Сначала ждёшь, когда начнётся загон и вот выстрел, началось! Ждёшь, не выйдет ли на тебя зверь, потом – окончания загона и когда тебя снимут с номера. На пролёте на утку, тоже сплошное ожидание. Даже при охоте с легавой, когда много двигаешься, ходишь, а работ собаки нет и нет. Всё равно ждёшь этого момента, когда собака найдёт дичь и замрёт в стойке. Ждать надо уметь, без этого никуда.

Вот и в этот раз я застыл, слился со скрадком, только дымок от сигареты мог выдать моё местоположение наблюдательному зрителю. Во время ожидания сами собой в голо-

ву лезут разные мысли и, как правило, у меня они, конечно, связаны с охотой. Полная тишина, тишина такая, что кажется, что обострившийся слух улавливает стук падающих с сосновых иголок капель росы, плотно окружила меня, убаякала. Нахлынули неспешные воспоминания, как же давно всё это было! Почему я сижу сейчас в этом скрадке, почему какая-то неведомая сила вот уже более тридцати лет вышвыривает меня из тёплой постели в сырую зябкость осеннего утра, заставляет наматывать за отпуск сотни километров по оврагам, полям и лесам? Что это за мощь такая, что не отпускает меня, да и не отпустит, наверное, до последнего моего вздоха?! Как же я дошёл до жизни такой?

Вспоминал ли я или мне пригрезилось? Думаю, и то и другое вместе. Знаете, как это бывает? Вроде всё наяву, а на самом деле находишься в каком-то пограничном состоянии между лёгкой дремой и явью. Вот и сейчас я открыл опущенные веки и вдруг, – О чудо! – на тишайшей глади воды явственно вижу лёгкую, почти незаметную неискущённому глазу рябь. Фокусирую взгляд и вижу буквально в двадцати – тридцати метрах от меня, на противоположной стороне озера небольшую стайку кормящихся кряковых уток. Присматриваюсь, их прекрасно видно сквозь редкие иголки молодых сосенок. Теперь главное не делать резких движений и очень плавно взять стоящее рядом ружьё. Их шесть штук, два селезня, остальные утки. Утки увлечённо кормятся озёрной ряской, то и дело ныряют, так что на поверхности

остаётся только хвост и поднятые вверх оранжевые лапки. Вынырнув, они отряхиваются, наполняя воздух мельчайшим дождиком микроскопических капель. Они ничего не подозревают и мне немного жаль их. С возрастом, когда юношеский максимализм давно в прошлом, всё чаще замечаю за собой сомнения нравственного характера перед выстрелом. Но всё же пока охотничья страсть берёт верх. Как только сомнения станут пересиливать, повешу ружьё на гвоздь и займусь всерьёз рыбной ловлей. Впрочем, никогда не отличался жадностью к добыче и довольствовался малым. Всегда презирал «мясников» от охоты, превращающих благородную страсть в груды набитой дичи. К тому же с годами выработалась полезная привычка – не бить самок, разумеется, в тех случаях, когда их можно отличить от самцов. По этой причине отказался от некоторых видов охот, таких как охота на гуся, например. Опять меня увело в сторону от событий рассказа, но как не высказать своё мнение по такому важному вопросу, как охотничья этика и нравственность.

И вот ружьё в руках, затыльник плотно вложен в плечо, а прицельная планка вровень с чуть прищуренным глазом. Выстрел! Один из селезней плотно обсыпан дробовым снопом, некогда смотреть на него, некогда! Стая заполошно взлетает, на тягучем подъёме выцеливаю второго – плавная поводка, на полкорпуса вперёд – выстрел и распластав крылья птица мягко планирует на поверхность. Уф-ф-ф! Смотрю на первого – чисто бит, второй – тоже, лишь подраги-

вание лапок выдаёт предсмертную конвульсию птицы. Два выстрела – две птицы! Два осенних, облитых жиром крякаша! С Полем! Я в восторге! Нечасто мне даются в последнее время такие великолепные дуплеты! Главное, что добывать не надо – ненавижу это, чувствую себя палачом и негодем. Но как же теперь их доставать? Собаки рядом нет, хоть иди за ним домой. Раньше, когда я был безсобачником, всегда носил с собой китайский спиннинг-раскладушку с увесистым тройником. Но с собаками я уже столько лет, что напрочь забыл о нём в этот раз. Да, к хорошему привыкаешь очень быстро. Ветра нет совсем и надежд, что прибьёт их на мою сторону никаких. Ситуация, как в поговорке – «Видит око, да зуб неймёт!». Остаётся одно-сидеть и ждать, когда поднимется ветер, а он обязательно поднимется часам к девяти утра, проверено при охоте с легавой. Бывает приедешь на луга часам к семи утра и до восьми-девяти часов ходишь в почти полное безветрие, что для легавой совсем плохо. Обязательно поднимется, только в какую сторону? Вот вопрос. Может ведь и наоборот прибить их вплотную к камышам и там мне их точно не достать, придётся идти домой и договариваться с обиженной собакой. Опять ждать, но что поделаешь, в сущности, вся наша жизнь сплошная череда ожиданий – не привыкать.

Памятная охота

Как много строк и рассказов посвящено удачным и запоминающимся выстрелам. Но мне кажется, что досадные промахи и неудачи не менее, а может быть даже более памятные и поучительны. В этом коротком рассказе я хочу поведать об одном таком происшествии, которое до сих пор остаётся в моей памяти одним из наиболее ярких охотничьих приключений прошедшего года. Нет, речь не идёт об охоте на крупных или опасных животных, напротив, это эпизод обычный для нашей Средней полосы. Вспоминается же он самозабвенной работой моего неизменного помощника — пятилетнего дратхаара, неожиданным везением и досадными промахами.

В это октябрьское утро мы с псом, как обычно, обходили по заведённому у нас маршруту опушки, лесные полянки и просеки в поисках вальдшнепа. Как же приятно бродить по октябрьскому лесу! Лес уже изрядно просматривается, деревья сбросили большую часть листвы и казалось, что они тянут к небу оголённые руки-ветви, словно моля небо подарить им ещё чуточку последнего тепла перед затяжной зимой. Мелкие пичужки почти все уже улетели, лес тих и молчалив. Только пролётные дрозды иногда оживляют тишину скоротечным треском переговоров, но пройдёт ещё несколько дней и лес совсем осиротеет, замрёт в тишине. Пёс мель-

кает в глубине лесных зарослей. Его хорошо видно. Сегодня мы тестируем новую оранжевую попону, сшитую мной из сигнальной жилетки. Полезная вещь, очень облегчает наблюдение за собакой. Ходим уже почти три часа и один длинноклювик стал нашей добычей. Я стрелял по нему через густой кустарник, но он, как и два предыдущих улетел в самую чащу. Я уже совсем было приуныл, но гляжу, кобель бросился за ним и через несколько десятков секунд вернулся с вальдшнепом в пасти. Ты мой золотой! Спасибо тебе! Зацепил-таки его видно одной дробиной! Сразу резко поднялось настроение. Повезло! Перед этим в такой же ситуации стрелял ещё по двум птицам, тоже через кусты – мимо. А что поделаешь? Птица сидит в таких завалах из поваленных деревьев, сросшихся кустов и так ловко прячется, так искусно прикрывается ветвями и стволами деревьев при взлёте, что есть шанс выстрелить только таким образом.

Что же, братишка, пойдём дальше. Пёс неутомим, ему пять лет, и он на самом пике своих возможностей. Ещё много сил и уже много опыта. Я вижу, как он проверяется низом, чуть приостанавливается и вновь начинает неспешную рысцу, словно говорит, – «Нет, показалось!». Охота с легавой замечательна своей созерцательностью. Собака позволяет мне быть не концентрированным на охоте, даёт возможность любоваться окружающей природой, да и вообще мысленно «улетать» чёрт его знает куда в размышлениях и воспоминаниях. Пёс всегда своим поведением подскажет, когда

пришло время отбросить романтическое настроение, настроиться и заняться делом. Надо только в полглаза посматривать за собакой, наблюдать за тем, что она делает.

Вы никогда не замечали, что и при вождении автомобиля у водителя тоже включается внутренний автопилот? Я же ловил себя на мысли, что при езде на автомашине часто делаю манёвры, набираю скорость, торможу, включаю указатели поворота, смотрю в зеркало заднего вида автоматически, не акцентируя на этом внимание, всё происходит само по себе. Наверное, это приходит с опытом и это возможно и называется «получать удовольствие от вождения». Зачастую, когда осознаёшь это, то приходишь в ужас и начинаешь всматриваться в дорогу, контролировать каждое своё действие. Но скоро опять начинаешь действовать автоматически, а мысленно находишься совсем в другом месте, а не за рулём автомобиля. Мне кажется это нормально и человек, который не в состоянии так себя вести будет к концу поездки совершенно измочаленным от усталости и в конце концов прекратит управлять автомобилем вовсе.

Также и на охоте. Охотник не может быть постоянно готовым к выстрелу, не может быть предельно концентрированным по три-четыре часа кряду. Собака не только делает охоту более эмоционально насыщенной, эстетической, но и даёт возможность отдыхать, расслабляться и получать удовольствие от процесса охоты. Да и сами наши четвероногие помощники такие же живые существа, как и мы, со всеми выте-

кающими последствиями. Они также страстны в начале охоты, когда полны сил и азарта и по мере уменьшения «заряда батарейки» расслабляются, начинают отвлекаться на следовую работу, просто бегать, а не искать. Не бывает концентрированного поиска у собак на протяжении нескольких часов. Они не автоматы, а живые существа с довольно подвижной психикой, которая тоже влияет на поведение. А вот, что писал по этому поводу Иван Сергеевич Тургенев: «Природой на охоте я любоваться не могу, я ничего не вижу и не могу видеть. Тот не охотник, кто ходит в дичные места с ружьем любоваться природой. Когда птица, я видел, сидит недалеко от меня, и я знал, что собака ее отыщет, сделает стойку, сердце билось 180 раз в минуту...». Классик, есть классик, но рискну поспорить с ним, хотя это и довольно глупо, также как и стрелять в вальдшнепа через плотные кусты.

Иван Сергеевич в «Записках Охотника» неоднократно говорит, что проводил на охоте целые дни кряду, с утра до вечера. С трудом верится, что он был также сосредоточен на процессе охоты в конце дня, как и в начале своих охотничьих странствий. В этом нет ничего удивительного, если даже на это смотреть только с физиологической точки зрения. Усталость накладывает отпечаток на поведение и концентрацию внимания и с этим не поспоришь. Возможно, в те далёкие уже времена дичи в угодьях было на порядки больше нежели сейчас, и охотник не брезговал стрелять шумовых птиц, как говорится «из-под лаптя», которых поднимал сам

по мере продвижения к стойке своей легавой. Возможно. Если же учесть, что он в основном охотился с английским сеттером, то ему приходилось значительное время на охоте проводить в поиске своей собаки, ведь «лавераки» ходят очень широко, иногда закладывая плечи по несколько сот метров в каждую сторону. Тогда да, охотнику не позавидуешь, трудно искать собаку будучи не сконцентрированным. И всё же осмелюсь предположить, что фраза эта была сказана классиком «сгоряча» возможно в споре с кем-то и не вполне соответствовала его мировоззрениям. Не могу поверить, что столь прославленный лирик, оставивший после себя выдающиеся описания природы и связанные с ней чувственные переживания героев мог так категорично «обеднить» охоту, ведь она неразрывно связана с природой и немыслима без неё. Ну не мог он поставить во главу угла только лишь добычу трофея, выстрел и ничего более! Нет, тут какое-то непонимание писателя.

Ну, а мне, простому человеку, любование окружающими красотами во время охоты совершенно показано и доставляет огромное удовольствие. Мне довелось видеть и пологие Атласские горы Северной Африки, бескрайние песчаные просторы Сахары, мутно-желтоватые воды неспешно текущего Нигера и тяжёлые наплывы волн Тихого океана, серые воды Дуная и красивейшие фьорды Швеции, зеленоватоголубые воды Средиземного моря, доводилось любоваться и древне-римскими амфитеатрами, но нигде, несмотря

на всё великолепие заграничной природы я не испытывал такого тихого умиротворения, душевного спокойствия и тихой, светлой радости как в нашей Средней полосе. Для меня ничто, никакие красоты мира не сравнятся с обычной полевой дорогой в середине июля, с темнеющей у горизонта полоской леса, с неожиданно выглянувшей из леса на опушку речушкой шириной-то всего пару метров. А эти несравненные опушки, поросшие небольшим кустарником, тонкий и стройный карандашник берёз, нежданно встретившийся в жаркий день бочажок прохладной воды с махоньким непуганным куличком на кочке... Что может быть милее сердцу русского человека, да к тому же и охотника?

К чему я всё это написал? К тому, что все мы разные и охоты тоже разные. Давайте не будем осуждать тех, кто получает наслаждение на охоте не только от меткого выстрела, добытого трофея, но и от созерцания великолепнейшей природы, окружающей нас. Вот и в этот раз прошло уже более трёх часов с начала наших блужданий по окрестным лесам. Я уже порядком подустал и шёл скорее машинально, нежели бодро. Нам оставалось проверить ещё одну опушку и затем можно было направляться домой. Так мы и двигались, порядком подуставший пёс впереди и не менее уставший автор чуть позади. Как уже писал, я порядком нашагался по всяческим неудобьям и поэтому начал изредка спотыкаться при ходьбе, а это верный признак того, что пора было завершать охоту. Неожиданно (каждый раз неожиданно) я заметил твёр-

до стоящего пса возле небольшого кустика ольхи. Он стоял совершенно неподвижно, высоко подняв голову. Впереди него точно что-то было! Мгновенный прилив адреналина заставил колотиться сердце, сделал дыхание прерывистым, как после небольшой пробежки, а шаги упругими и осторожными. О спотыкании речи больше не было и в помине. Взяв ружьё наизготовку, я приблизился к собаке, остался метров на пять сзади неё и подал команду на подводку. Никакой реакции, стоит как вкопанный. Уже зная своего друга, подхожу к нему вплотную и опять подаю команду, – «Вперёд!». Всё равно стоит неподвижно. По моему опыту, это происходит в двух случаях: когда птица запала совсем рядом с собакой и подводить некуда (птица и так под носом) и когда птица начинает бежать, а он боится начать движение, толкнуть её, поднять преждевременно и получить за это строгий выговор с занесением в личное дело. Есть увы и третий вариант – пёс не уверен в наличии птицы и от этого нерешителен. Но не будем о грустном. Чтобы вероятная птица не убежала слишком далеко и не сошла с чутья собаки, делаю заступ на шаг вперёд него, и он наконец делает стремительный бросок вперёд на несколько метров. Опять неожиданно, а у меня это всегда бывает именно так, взлетает большая чёрная птица. Причём взлетает метрах в пятнадцати-двадцати, то есть неожиданно далеко. Успел отбежать, куры есть куры! Меня обжигает – косач! Он уходит по полукругу, траектория полёта напоминает очертания серпа и уже так далеко... Успе-

ваю выстрелить один раз и замечаю, что птицу слегка качнуло в полёте. Похоже мне всё-таки удалось задеть его по какому-то не убойному месту или дробина просто чиркнула, не причинив ранения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.